

У постели / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

У постели / рассказ У ПОСТЕЛИ

В камине пылал яркий огонь. На японском столике стояли друг против друга две чайные чашки, а рядом с ними дымящийся чайник, сахарница и графинчик рома.

Граф де Саллюр бросил цилиндр, перчатки и шубу на стул, а графиня, сняв бальную накидку, поправляла перед зеркалом прическу. Она приветливо улыбалась своему отражению, взбивая кончиками тонких, сверкающих перстнями пальцев завитки на висках. Затем она повернулась к мужу. Тот уже несколько секунд смотрел на нее как бы в нерешительности, точно его смущала какая-то сокровенная мысль.

Наконец он сказал:

— Что же, достаточно за вами ухаживали сегодня вечером?

Она взглянула ему прямо в глаза вызывающим взглядом, в котором горело пламя торжества и задора, и ответила:

— Еще бы!

Потом села на свое место. Граф поместился напротив и, разламывая бриошь, продолжал:

— Это было даже немного скандально... для меня!

Она спросила:

— Что такое — сцена ревности? Вы собираетесь делать мне упреки?

— Нет, дорогой друг, я хочу только сказать, что этот господин Бюрель держал себя с вами почти неприлично. И если... если бы я имел право, я рассердился бы.

— Будьте откровенны, милый друг. Просто-напросто сегодня вы думаете по-иному, чем год назад. В ту пору, когда я узнала, что у вас есть любовница, которой вы увлечены, — вас совершенно не интересовало, ухаживают за мною или нет. Я высказала вам свою обиду, я сказала вам — но с большим основанием — то же, что вы говорите сегодня вечером мне: «Друг мой, вы набрасываете тень на госпожу де Серви, а мне

причиняете страдание и ставите меня в смешное положение». Что же вы ответили? О, вы ясно дали мне понять, что я свободна, что брак между рассудительными людьми является только соединением материальных интересов, союзом социальным, а не духовным! Ведь это правда? Вы дали мне понять, что ваша любовница бесконечно лучше, обольстительнее, женственнее меня! Вы так и сказали: женственнее. Все это было выражено, разумеется, так осторожно, как подобает воспитанному человеку, со всевозможными комплиментами и с деликатностью, которой я отдаю должное. Однако я все поняла.

Тогда же было решено, что мы не разведемся, но будем жить раздельно. Нас связывал ребенок.

Вы чуть ли не намекнули мне, что требуете только соблюдения приличий и что я могу, если захочу, завести себе любовника, — лишь бы это оставалось тайной. Вы долго и очень красноречиво разглагольствовали об изворотливости женщин, об их умении сохранять внешнюю благопристойность и так далее.

Я поняла, мой друг, отлично поняла. Вы тогда еще очень, очень сильно любили госпожу де Серви, а моя законная, освященная браком нежность стесняла вас и ограничивала, должно быть, ваши возможности. Мы стали с тех пор жить раздельно. Мы вместе бываем в свете, вместе возвращаемся домой, а затем расходимся по своим спальням.

Но вот уже месяц или два, как у вас появились повадки ревнивого мужа. Что это должно означать?

— Я вовсе не ревную, друг мой, но я боюсь, что вы себя скомпрометируете. Вы ведь молоды, жизнерадостны, склонны к приключениям...

— Извините, если уж говорить о приключениях, то не мне соперничать с вами.

— Перестаньте, пожалуйста, шутить. Я говорю вполне серьезно, как настоящий друг. Все то, что вы сейчас сказали, сильно преувеличено.

— Нисколько. Вы сами признались мне в своей связи, а это было равносильно тому, чтобы дать мне право подражать вам. Я не сделала этого...

— Позвольте...

– Дайте же мне досказать. Я не сделала этого. У меня нет и не было любовника... до сих пор... Я выжидаю... ищу... и не нахожу. Мне нужно что-нибудь исключительное... что-нибудь лучше вас... Я вам говорю комплимент, а вы делаете вид, что не замечаете этого.

– Дорогая, все эти шутки совершенно неуместны.

– Но я вовсе не шучу. Вы говорили мне о восемнадцатом веке, дали понять, что вы человек времен Регентства. Я ничего не забыла, но что бы вы ни говорили, а в тот день, когда мне заблагорассудится стать иной, чем сейчас, вы сделаетесь, даже не подозревая этого... таким же рогоносцем, как и многие другие.

– О!.. Как вы можете произносить подобные слова?

– Подобные слова?.. Да ведь вы сами хохотали, как безумный, когда госпожа де Жер заявила, что господин де Серви похож на рогоносца, который ищет свои рога.

– То, что кажется смешным в устах госпожи де Жер, в ваших устах становится неприличным.

– Нисколько. Вы находите очень забавным слово «рогоносец», когда речь идет о господине де Серви, и считаете его весьма неблагозвучным, когда дело касается лично вас. Все зависит от точки зрения. Впрочем, я не настаиваю на этом слове, я сказала его лишь для того, чтобы увидеть, созрели ли вы...

– Созрел?.. Для чего?

– Да для того, чтобы стать рогатым. Когда мужчина сердится, слыша это слово, значит... он готов. Но через два месяца вы первый будете смеяться, если я заговорю о... рогаче. Потому что... когда рога уже выросли, их не замечают.

– Вы сегодня очень неблаговоспитанны. Я никогда вас не видел такую.

– Вот как?.. Я изменилась... к худшему. Это ваша вина.

– Послушайте, дорогая, давайте поговорим серьезно. Я вас прошу, умоляю вас не поощрять неприличных преследований господина Бюреля, как вы поощряли их сегодня.

– Вы ревнуете? Я сразу это поняла.

– Нет, нет. Я только не хочу быть смешным. Слышите: не хочу быть смешным. И если я еще раз увижу, что этот господин, беседуя с вами, не сводит глаз с ваших плеч и, чего доброго, пытается заглянуть вам за корсаж.

– Да это самый подходящий рупор.

– Я... я выдеру его за уши.

– Уж не влюблены ли вы в меня?

– Люди влюбляются и в менее красивых женщин.

– А, вот вы как! Но я-то больше не влюблена в вас.

Граф встает. Он огибает столик и, проходя позади жены, быстро целует ее в затылок. Она вздрагивает и говорит, глядя в упор на него:

– Прошу вас оставить эту шутки. Мы живем раздельно. Между нами все кончено.

– Ну, не сердитесь. С некоторых пор я нахожу, что вы восхитительны.

– Значит... значит, я достигла цели. Вы тоже... находите, что я... созрела...

– Я нахожу, что вы восхитительны, дорогая: у вас такие руки, такой цвет лица, такие плечи...

– Которые понравились бы господину Бюрелю...

– Вы жестоки... Но... правда... я не знаю женщины обольстительнее вас.

– Вы поститесь.

– Что?

– Я говорю: вы поститесь.

– Как это?

– Когда человек постится, он голоден, а когда он голоден, то готов есть такие блюда, которые в другое время вовсе не привлекали бы его. Я сделалась таким блюдом... вы когда-то пренебрегали им, но не прочь были бы полакомиться... сегодня вечером.

– О Маргарита! Кто научил вас так выражаться?

– Вы сами! Слушайте: после разрыва с госпожой де Серви у вас было, насколько я знаю, четыре любовницы: одни – кокотки, другие – актрисы. Чем же, как не временным постом, могу я объяснить ваш сегодняшний аппетит?

– Я буду откровенен и груб и скажу без всяких церемоний: я снова влюблен в вас и даю вам слово, очень сильно. Вы поняли?

– Так, так. И вы хотите... начать снова?

– Да сударыня.

– С сегодняшней ночи?

– Ах! Маргарита!

– Так. Вы опять шокированы. Давайте, милый мой, договоримся. Мы ничто друг для друга, не так ли? Я, правда, остаюсь вашей женой, но женою свободной. Я собираюсь принять ангажемент с другой стороны, вы же просите, чтобы я отдала предпочтение, вам. Я согласна, но... за ту же цену.

– Не понимаю.

– Сейчас объясню. Я так же хорошо, как ваши кокотки? Говорите искренне.

– В тысячу раз лучше.

– Лучше, чем лучшая из них?

– В тысячу раз.

– Хорошо. Сколько вам стоила лучшая из них в течение трех месяцев?

– Опять-таки не понимаю.

– Я говорю: сколько стоила вам в течение трех месяцев самая очаровательная из ваших любовниц, считая наличные деньги, драгоценности, ужины, обеды, театр и так далее – словом, полное ее содержание.

– Да почему же я знаю?

– Вы должны знать это. Ну, возьмем среднюю, умеренную цену. Пять тысяч франков в месяц – это приблизительно верно?

– Да... приблизительно.

– Так вот, мой друг, дайте мне сейчас же пять тысяч франков, и я буду вашей целый месяц, начиная с сегодняшнего вечера.

– Вы с ума сошли!

– Ах так? Покойной ночи!

Графиня уходит к себе в спальню. Постель приготовлена. В воздухе носится легкий аромат, пропитавший портьеры и обои.

Граф появляется в дверях:

– Здесь очень хорошо пахнет.

– Правда?... А между тем тут ничего не переменялось! Я по-прежнему душусь «Peau d'Espagne».

– Вот как, это удивительно... Очень хорошо пахнет.

– Возможно. Но, будьте добры, уходите, я ложусь спать.

– Маргарита!

– Уходите!

Он входит в комнату и садится в кресло.

Графиня:

– Ах, вот вы как! Ну, тем хуже для вас.

Она медленно снимает с себя бальное платье, обнажая белые руки. Она поднимает их над головой, чтобы распустить волосы перед зеркалом, и в пене кружев над черным шелковым корсетом показывается что-то розовое.

Граф стремительно встает и направляется к ней.

Графиня:

– Не подходите ко мне или я рассержусь!..

Он схватывает ее в объятия и жадно ищет ее губ.

Она быстро наклоняется, берет стоящий на туалете стакан с зубным эликсиром и выплескивает его через плечо в лицо мужа.

Он выпрямляется весь мокрый и в бешенстве бормочет:

– Это глупо!

– Может быть... Но вам известны мои условия: пять тысяч франков.

– Это нелепо!

– Почему же?

– Как почему? Муж платит за то, чтобы спать с женой?

– О, какие мерзкие слова вы говорите!

– Возможно. Но повторяю, что было бы нелепо платить собственной жене, законной жене.

– Еще глупее, имея законную жену, платить кокоткам.

– Пусть так, но я не хочу быть смешным.

Графиня села на кушетку. Она медленно снимает чулки, выворачивает их, как змеиную кожу. Розовая нога освободилась от сиреневой шелковой оболочки, и маленькая ступня становится на ковер.

Граф подходит ближе и произносит нежным голосом:

– Какая странная мысль пришла вам, однако!

– Какая мысль?

– Требовать от меня пять тысяч франков.

– Нет ничего естественнее. Мы друг другу чужие, не так ли? Вы желаете меня. Жениться на мне вы не можете, потому что мы уже

женаты. Значит, вы должны меня купить, может быть, несколько дешевле, чем другую.

Ну, рассудите. Эти деньги вместо того, чтобы попасть какой-нибудь потаскушке, которая истратит их неизвестно на что, останутся в вашем же доме, в вашем же хозяйстве. А потом, разве для умного мужчины не занимательнее, не оригинальнее платить собственной жене? Незаконная любовь нравится именно потому, что она стоит дорого, очень дорого. Вы придадите нашей... законной любви новую ценность, привкус разврата, остроту пикантных проказ... если будете оплачивать эту любовь, как связь на стороне. Разве это не верно?

Она встает, почти совсем обнаженная, и направляется в туалетную комнату.

— А теперь, сударь, уходите или я позвоню горничной.

Граф стоит несколько минут растерянный и недовольный, смотрит на нее и вдруг бросает ей бумажник.

— Бери, негодница. Там шесть тысяч. Но только, знаешь ли...

Графиня подбирает деньги, пересчитывает их и томно спрашивает:

— Что?

— Не привыкай к этому.

Она хохочет и подходит к нему:

— Пять тысяч ежемесячно, сударь, или я отправлю вас к вашим кокоткам. И мало того, если... если вы останетесь довольны... я потребую от вас прибавки.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 23 октября 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Время Регентства — период истории Франции (1715 — 1723), когда за малолетством короля Людовика XV Францией правил регент Филипп Орлеанский. Время это прославилось большой распушенностью нравов при дворе и в светском обществе.

Neкаýalar